

18+

Татьяна Буньковская
Художник

Татьяна Буньковская

Художник

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39426213

ISBN 9785449380036

Аннотация

Молодой художник-ювелир встретил необычную девушку, обладающую уникальными знаниями и способностями. Она сделала его своим избранником, но не собиралась строить отношения по общепринятым правилам. Любовь к ней перевернула всю жизнь этого ничем не примечательного парня. Рассеянный неудачник постепенно превращается в Мастера и творит живые ювелирные украшения. А впереди его ожидает путь Воина, о котором не известно ничего, кроме того, что путь этот не каждому влюбленному в ведьму удастся пройти.

Содержание

Часть I Путь Мастера	5
Пролог	5
1	10
2	17
3	24
4	31
5	38
6	50
7	58
8	64
9	72
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Художник

Татьяна Буньковская

Владислав Ершов *Дизайнер обложки*

© Татьяна Буньковская, 2021

© Владислав Ершов, дизайн обложки, 2021

ISBN 978-5-4493-8003-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть I Путь Мастера

Пролог

Ему не верилось, что все это сейчас происходит именно с ним. Кто угодно, но только не он должен был пережить смерть близких людей. Кто угодно, но только не он должен был стоять сейчас на этом унылом кладбище в окружении толпы людей с отрешенными, скорбными лицами. Кто угодно, но только не он должен был смотреть на то, как в могилу уходят тела его родителей и младшего брата. Он все еще словно слышит покашливания отца, он все еще словно чувствует запах маминого крема, он все еще словно видит перед собой озорные карие глаза брата-подростка, задумавшего очередную смешную выходку.

Еще вчера утром он был сыном, старшим братом, а сегодня – сирота. Станный статус для двадцатилетнего парня. Раньше ему всегда казалось, что сирота – это ребенок из детдома, или просто ребенок без родителей, не достигший зрелости. А теперь он понял, что сиротой можно себя ощущать в любом возрасте. Потому что родители – это в некотором смысле Боги, создатели и сколько бы ни было их детям, они – их творения. Творению без творца одиноко в этом мире – это истина, которую ему пришлось усвоить меньше чем за сутки

Хотелось заткнуть уши, чтоб не слышать причитаний те-тушек и отвратительную для восприятия молитву Батюшки. Хотелось заткнуть нос, чтобы не ощущать мертвый запах земли и тошнотворный аромат ладана. Хотелось закрыть глаза – чтобы не видеть и не запечатлеть в своей памяти тот момент, как могилы его родных людей наполняются кладбищенской землей. Это не длилось долго по меркам земного времени, но ему казалось, что проходят часы, а пытка не оканчивается.

Может, он начал сходить с ума, но ему стало мерещиться, что все поглядывают на него со странным выражением лица. Таким именно недоуменным выражением, которое не простой вопрос задает. Вопрос, который он и сам себе задает, но пока не так осознанно: «А ты почему жив? Каким образом не сел в эту треклятую машину? Каким чудом избежал несчастья?» И ему было стыдно за то, что он остался в живых и стоит сейчас здесь, ему было стыдно, хоть его вины в этом вообще не было. И больше всего на свете сейчас ему хотелось быть где угодно, но только не здесь, чтоб не чувствовать на себе эти взгляды...

Вспомнился момент из детства, как он часто обижался на кого-то из родных и прятался, чтоб его не нашли в течение нескольких часов. Родителей жутко бесило такое поведение. Он мог прятаться в шкафу, под кроватью, на чердаке, даже на дереве во дворе. Никакими уговорами его выманить из укрытия было не возможно... Вот бы сейчас куда-то спря-

таться и кричать тому, кто посмеет приблизится: «Оставьте меня в покое!» Но нельзя, он вырос, ему еще предстоит обед за упокой в столовой при местной церкви со всеми родственниками и знакомыми, которые почтили своим присутствием сие мероприятие. Конечно, чтоб души мертвых успокоились, живым нужно вдоволь набить свое брюхо за разговорами об усопших! О том, какие замечательные они были, чтобы еще немного продлить этот момент и посмаковать горе.

«Я не стану присутствовать на этой смеси садизма с мазохизмом», – подумал он, решив, во что бы то ни стало исчезнуть с намечающейся пирушки самым незаметным образом, пусть и не самым воспитанным.

Внезапно, среди апрельских туч показалось солнышко, погладив его щеку своим нежным и теплым лучом. И тут он почувствовал, каким-то своим шестым чутьем, взгляд, направленный на него со стороны показавшегося солнца. Чуть повернув голову, он заметил двух девушек через пять могил от его местонахождения. Одна стояла спиной, поправляя цветы на могиле, а другая смотрела в упор на НЕГО. Этот взгляд пригвоздил его к месту, и парень на мгновение забыл, зачем вообще здесь находится. Девушке было не больше семнадцати, но она по-взрослому, как женщина смотрела открыто, смело, с легкой улыбкой и была в ее взгляде такая сила, такая жизнь и, вместе с тем, тайна, что мурашки побежали у него по спине. Этот взгляд говорил: «Я все вижу, я все знаю, мне ведомо то, чего ты не знаешь, в том числе и о се-

бе самом». А еще этот взгляд так не вписывался в окружающую действительность, он так ясно и без издевки напоминал о том, что жизнь еще не окончена и жизнь – замечательная штука, что стало ему так легко, тепло и спокойно, что захотелось... улыбнуться.

Но он в последний момент сдержался, и все очарование этого момента исчезло. Опомившись, парень осознал, что находится на похоронах самых дорогих и любимых в его жизни людей, на него смотрят и изучают проявление любой его эмоции многочисленные обеспокоенные и убитые горем родственники. Не может быть, чтобы он сходил с ума. Что за наваждение?

Скосив взгляд, словно боясь, что его поймают с поличным, он взглянул на то место, где находились те две девушки... но не заметил их. Решившись, он обернулся уже не таясь, и увидел, как они неторопливо удалялись в неизвестном направлении. Солнце, вдруг, снова скрылось за унылой серой тучей, и он почувствовал знакомый дискомфорт от холода. «Мне привиделось, – уверял он себя, – я, видать, совсем рехнулся!»

И, тем не менее, что-то в его чувствах изменилось, ему стало не так остро и невыносимо больно, что-то появилось внутри, на что он смог хоть немного опереться. И это чувство напрочь стерло его жертвенный настрой, готовность потакать боли, ритуалу и ожиданиям тех людей, которые здесь, собственно, собрались. Он не сразу это осознал, но и осо-

знавать ничего не хотел. На него навалилась усталость и сонливость, отчетливо захотелось спать, словно наплакавшийся и успокоившийся ребенок. Подойдя к тете, маминой сестре, он шепнул ей о том, что устал и едет домой спать. Он сказал правду, как есть и его не осудили за эту правду. Просто заинтересовались, не нужно ли ему чего. И он ушел, ни разу не обернувшись на то место, где Вечный Дом обрели тела его родителей и брата...

1

Когда Ваня был маленький, он частенько летом навещал старенькую бабушку в селе. Иногда случалось так, что родители оставляли его у бабушки на неделю, а то и на две. Эти поездки нельзя сказать, что очень нравились мальчику, но было в этих поездках нечто, запомнившееся ему особенно четко со всего периода детства. И хоть бабушка умерла в тот год, когда родился его младший брат, а Ване на то время было только восемь, каждую эту поездку он запомнил. Бабушка была замечательной сказочницей и выдумщицей, и слушать ее было бесконечно увлекательно. Одну, самую интересную историю, он помнил в общих чертах, но она волновала его воображение. Услышал Ваня бабушкину историю как раз тогда, когда они выбрались в лес за травами. Найдя в лесу круг, образованный мухоморами, мальчик заинтересовался, почему так странно растут грибы. «Это – Ведьмин Круг» – отвечала бабушка. Слово «ведьма» ему, почему-то не нравилось, оно означало что-то нехорошее. «Это значит, что здесь живет ведьма?» – задал вопрос мальчик, на что бабушка усмехнулась. «Нет, это значит, что так называют грибы, когда они растут по кругу. Внутри этого круга редко растет хорошая трава и люди думают, что это плохое место, потому и назвали ведьминым» «А ведьмы плохие?» – тут же спросил Ваня. Бабушка на это засмеялась: «Еще ни

одну не встречала!» Тем не менее, любопытство Вани к этой теме только больше распалилось, и он стал просить у бабушки, чтоб она рассказала ему историю о ведьме. И бабушка согласилась.

«Однажды на свет появилась девочка и была она ведьмой. И она всегда знала, что она – ведьма и когда вырастет большой, станет настоящей ведьмой. Об этом, конечно никто, кроме нее не знал. Не знали ее родители, подруги, соседи – никто. Девочка росла, становилась красивой, умной и очень веселой. Настоящую ведьму можно узнать очень легко – она всегда веселая, радостная и любые огорчения переносит легко. Погрустит немного и снова уже улыбается. И людям нравилось с ней находиться, потому что она дарит радость. Но ведьмы дарят радость только тем, кто эту радость принимает. Людям же, которые злые, сердитые, угрюмые, которые о радости даже слышать не хотят, ведьма дать ничего не может. И такие люди очень не любили ведьму, они говорили о ней плохие слова, они ее боялись. Им казалось, что ее любят другие люди, дети и животные только потому, что она пользуется волшебством. Им казалось, что у нее счастливая жизнь потому, что ей известна какая-то магия. А самая главная магия в жизни настоящей ведьмы – РАДОСТЬ. С радостью к ней приходят другие магические способности. Например, делать людей счастливее и привлекать хорошее в свою жизнь. А еще ведьма училась любить этот мир, потому что любовь – это еще один магический элемент. Вырас-

тив любовь внутри своего сердца, она поняла, что любит целый мир. Наша ведьма выросла, постепенно у нее становилось меньше настоящих друзей из-за того, что ее боялись. А еще ее боялись и недолюбливали из-за того, что она делала и говорила всегда то, что хотела. Не каждый может себе это позволить. Однажды она повстречала красивого молодого парня и полюбила его. Она выбрала его, она знала, что он – именно тот, кого она должна была встретить в своей жизни. Она нашла его по знаку – лучу солнца среди хмурого неба. Парень еще не умел любить мир, парень не умел по-настоящему радоваться и он очень редко делал и говорил то, что хотел. Он и сам не знал, чего хотел. Но он начал учиться, потому что ведьма в него верила, и он сам поверил в себя. И все у них складывалось хорошо, пока однажды кто-то ему не сказал, что его возлюбленная – ведьма. И парень испугался, он захотел расстаться с ведьмой, но не знал, как это сделать. Нельзя разорвать «защитный» круг, созданный ведьмой и нельзя, находясь в этом круге, отказаться от своего Пути. Ведьма не стала удерживать любимого и отпустила его. Он тосковал по ней, но страх был сильнее, парень больше не приближался к ведьме, перестал к чему-то стремиться и его энергия начала разрушать его самого. Он начал болеть, хоть и ведьма охраняла его, но от его страхов она защитить не могла. И однажды он умер, так и не став тем, кем она его видела, за что она его полюбила.

Ваня шел тихо рядом, сбивая обточенной палкой попада-

ющиеся по пути ветки, цветы, листья, вдыхал аромат прелых листьев, сосен, трав, которые несла в своем мешочке бабушка, и слушал ее неспешный, певучий голос. Неизвестно что из этой истории он понял своим мальчишеским умом, но что-то магическое было в этой истории.

«Почему в сказках ведьма – это злая бабка, которая колдует и делает что-то плохое людям? Разве плохих и злых ведьм не существует?» – спросил мальчик тогда

«Существуют, – согласилась бабушка, – но это не ведьмы, а просто колдуньи. У них, как и у ведьм есть много сил, но они не ведают, как правильно этой силой распорядиться и они даже не подозревают зачем им вообще эта сила нужна. И уходят на сторону зла»

...Сегодня ему снова приснилась бабушка и тот старый лес, хоть он и забыл ее голос, ее лицо, но во сне она являлась той же доброй старушкой-выдумщицей, и он как в детстве с восхищением слушал ее волшебные сказки...

Молодой мужчина встал с кровати, подошел к окну и увидел в небе двух ласточек, кружащих рядом друг с другом. Даже сам не ведая почему, но ему казалось, что эти птицы – влюбленная пара и кружатся в танце любви. Небо уже давно было голубым, но, по всей видимости, намечался дождик ближе к обеду, так как появлялись на горизонте характерные облака. «Не забыть бы зонтик захватить с собой на работу» подумал он и направился в ванную.

Изо дня в день, весь период последних двух лет он соби-

рался на работу в противной суматохе. Ваня всегда что-то, да забывал: выключить утюг, свет, одеть галстук, взять кошелек, телефон, ключи, документы. Рассеянностью он страдал столько, сколько себя помнил, но в последние два года, после того, как погибли родные, она усугубилась. Некому уже было ему напоминать: вымой чашку, надень шарф, купи сыр на завтрак... Казалось, он пребывал в своем особом мире, постоянно летал в облаках, а трагедия усугубила этот процесс.

Иван был редким растяпой: мало того, что вечно что-то терял и забывал, но и еще замечательно вляпывался по своей рассеянности в глупейшие ситуации. Неправильно застегнутые пуговицы самые безобидные из них. А что говорить о его качествах водителя... Хорошо, что он ездил по более-менее ровному и изученному маршруту, редко заезжая в незнакомые места. Кроме того, он вечно что-то ронял, падал на ровном месте, мог не заметить машину прямо перед носом и вдруг решиться перебежать дорогу. Мама всегда за него волновалась, до пятого класса провожала из школы в школу, лишней раз не поручала ходить в магазин. То, что Ваня не сел в тот трагический день со своей семьей в машину было просто нелепой случайностью, ведь из всей семьи самым невезучим, конечно, был он.

В одном он был хорош – в том, чем зарабатывал на хлеб – ювелирное дело. Ваня давно обожал заниматься с разными мелкими детальками, придумывал и создавал сперва в голо-

ве, затем на бумаге потрясающие украшения, элементы нарядной одежды. За работой мог проводить сутки напролет. Он был творцом, но, к сожалению, не маркетологом – протаскивать свою работу и продвигать свой талант он не умел. Благо, что по знакомству его устроили на ювелирную фабрику. Какие-то деньги есть, но признания все нет, ведь рынок жил за счет спроса, а спрос диктовал моду на посредственность. Лишь пару раз Иван получил заказ от толстосумов, но тоже должен был подчиниться заказу, люди думали, что заказывают шедевр, а получали пошлость... хорошо, что только Иван об этом знал. У богачей был отвратительно испорчен вкус роскошью. Он выполнил то, что просили, но чувствовал себя так, словно его заставили участвовать в чем-то преступном.

В последнее время он подумывал бросить это все и идти, например, на стройку работать. Там он себя будет неплохо чувствовать. Грубая работа, никакого никому ненужного творчества, высоких порывов. Слившись со всеми, будет работать и не чувствовать себя белой вороной. Может, даже научиться смотреть на мир так же, как все, может, научиться понимать людей и их мотивы, научиться сам доносить до людей свои мысли. В огромном городе Ваня чувствовал себя одиноко. У него были родственники, но с ними одиноко, у него были друзья, но и с ними одиноко, ему даже на работе среди сотрудников и коллег одиноко. Все вокруг считают, что он таким стал после той злосчастной аварии. Но Ване все

больше кажется, что чувство одиночества было в его крови от рождения и с годами оно лишь усугубилось. Он не одинок среди своих чертежей и рисунков, за изучением камней и минералов, металлов и их свойств... и то, в кого он превращался, походило на роль изгоя общества, к которому он шел еще со школьной скамьи.

2

Иван был внешне симпатягой, конечно, но относился к своей внешности слишком просто – она его вообще не волновала. Пшеничные волосы, правильное и нежное лицо, а несколько полные губы, красивый лоб и небольшой прямой нос делали внешность более классической. Голубые, словно летнее небо глаза его делали глубокими и проникновенными длинные ресницы, и если бы эти глаза смотрели так, как смотрит уверенный в себе гений, то девушки не обходили бы этого парня стороной. Но Ваня смотрел не так. Он смотрел в себя, совершенно не интересуясь окружающим миром, и мечтательное, отрешенное выражение не делало его романтической личностью. Это делало его странной личностью, а несвежий, не всегда подогнанный по размеру костюм полностью дополнял образ недотепы.

Сегодня он ехал на работу в троллейбусе – опять забыл ключи от машины, лень было возвращаться прямо от гаража в квартиру, – и думал о чем-то своем. С самого утра ему казалось, что день этот какой-то особенный. То ли потому, что ему приснилась бабушка, то ли потому, что увидел эту пару так понравившихся ему ласточек, просившихся на эскиз нового ювелирного шедевра, а может и вовсе безо всяких причин. Он забыл и ключи от машины, и зонтик, но не волновался по этому поводу, как бывало раньше – со сжавшимся серд-

цем осознавать свою рассеянность. Ваня смотрел на небо, и ему было на все плевать, даже на то не проедет ли свою остановку. Людей было, как и всегда по утрам, не мало. Он стоял у средних дверей, облокотившись о стекло входной двери и по обыкновению разглядывал лица, пытаясь разгадать, что скрывается за этими безразличными масками. Люди выглядели отстраненными роботами, направляющимися по заданному неведомым программистом маршруту, и плану кого угодно, но не этих одушевленных, но запрограммированных существ. Сейчас, сегодня он так остро ощутил себя этим роботом, которого в течение всей его жизни старались «перепрошить» на благо этой глупой цивилизации, что стало даже стыдно за себя. Ведь он-то считал себя человеком творческим, свободным от всех рамок, имеющим иное видение мира, а сейчас сидит, словно биоробот, с остальными биороботами и направляется на нелюбимую, но почему-то «важную» работу. Зачем?! Ах, да, она же деньги приносит...

Блуждая взглядом по лицам, он невольно остановился на девушке, стоящей у задней двери спиной к нему. Каштановые волосы ее были убраны в высокий хвост, в аккуратных маленьких ушках висели серьги – цепочка и камешек на конце, преломляющий лучи попадающего на него солнца, образуя, радужные блики. Частичка жизни и надежды в этом мертвом и безнадежном месте! Она была одета в темную ветровку и синие джинсы, на ее плече висела увесистая спортивная сумка – она явно путешествовала и, очевидно, выхо-

дила на конечной – на вокзале. Жаль, что ему не видно ее лица. Ее стан, положение тела, манера поправлять на плече сумку казались немного знакомыми.

А вот и его остановка, пора выходить. Люди повалили в открывшуюся дверь, Ваня поначалу сунулся за ними, но что-то его удержало. Он искоса глянул на эту девушку, она не вышла, не обернулась. Напротив – заняла место у заднего окна и смотрела на дорогу, на объезжающие остановившийся троллейбус автомобили. Он тоже не вышел... Дверь закрылась, и он занял свое прежнее место. Никакого сожаления, никаких переживаний по поводу своей адекватности, никакого страха по поводу уже пятого за этот месяц опоздания на работу. Ни-че-го. Он потом это все обмозгует, и оправдания себе найдет, а сейчас не искал и не хотел искать. В душе наступила тишь от принятого им решения следовать за какой-то девушкой, даже лица которой он не видел.

К вокзалу троллейбус заметно опустел, но девушка не обернулась, не заняла освободившееся сиденье. Он тоже не менял позиции наблюдателя, никакой паники по поводу того, что делать дальше. Никаких планов. Пусть его величество Случай сам о себе позаботится.

Она вышла практически первой, в заднюю дверь, он вышел тоже. Не спеша, Ваня шел за ней. Ей, видимо, тоже не хотелось торопиться. Прямо у вокзала она приостановилась глянуть на табло расписания... и в единый миг обернулась, направив свой живой взгляд карих глаз на преследовав-

шего ее парня. Сказать, что он поразился – ничего не сказать. Три года, три долгих года он не мог забыть этот взгляд, искал его обладательницу в прохожих, на улицах города, даже за-чем-то ходил на кладбище, где у чужой могилы когда-то стояла та девушка. Практически убедил себя в том, что на фоне стресса у него развился бред, и он ее выдумал. Но вот она – из плоти и крови стоит напротив Вани и ее взгляд еще более живой, чем ему тогда виделось. Глаза умеют говорить лучше, чем язык, ведь словами чувств не описать, а ее глаза это умеют. Всего за несколько секунд он понял, что она его ждала и нисколько не удивлена его появлением здесь. Более того, она ему рада, что сразу сняло с него внезапную неловкость. Тем не менее, сказать что-то было надо и первое, что он сказал, было: «Привет».

– Привет, – ответила она, слегка улыбнувшись и протягивая ему свою сумку, – Проведешь?

– Конечно! – обрадовался он, забирая ее ношу к себе на плечо.

– Мой поезд через двадцать минут отходит, – сообщила девушка, – на перроне поболтаем немного, ладно?

И, не ожидая ответа, направилась прямо внутрь здания вокзала. Он шел за ней сквозь толпу спящих в обе стороны людей: приезжих, спешащих занять городской транспорт первыми, и отъезжающих, стремящихся не пропустить свой поезд либо электричку. Девушка шла не торопясь, со знанием дела, что ее поезд без нее никуда не двинется. Она бы-

ла очень спокойна, без лишней нервозности. Это, конечно, так, только на разговоры времени мало останется, не без опасений размышлял Ваня. Смотря поверх ее головы на окружающую вокруг действительность, он понимал, что не хочет принадлежать к этому странному миру. Вот бы всю жизнь так следовать за этой невысокой, стройной, девушкой и чувствовать себя исключительным среди всех, суетящихся рядом людей.

На перроне было тоже немало людей, но Ваня почувствовал себя вне этого места, вне этого времени, когда она, найдя свой вагон, обернулась к нему и заговорила:

– Спасибо, что нашел меня, послушал голос сердца и последовал за мной. Я знала, что мы когда-то встретимся вновь. Я понимаю, ты искал меня, и будешь искать меня вновь, если я пропаду из твоей жизни, но не нужно этого делать. Еще слишком рано.

– Слишком рано для чего? – спросил он, перебивая.

– Для всего.– пожала она плечами, – Тебе нечего пока мне предложить.

Он не просто удивился, даже на какое-то время онемел. Станный оборот дела!

– Но что я должен предложить? У меня есть квартира, кое-какие накопления, стабильная и хорошая работа, которой нет у многих в моем возрасте. Ты ведь, совсем меня не знаешь!

– А ты себя знаешь? – осадил его пыл девушка, забирая

у него свою сумку.

Он оторопел, не понимая, что конкретно имеет она в виду. Девушка улыбнулась ему легкой улыбкой, и в ее глазах он прочел что-то вроде поддержки – она ждала от него ответа, а он испугался сказать что-то не то и потерять ее, в этот раз, уже точно навсегда.

– Чего ты хочешь в этой жизни? – спросила она. – Каким ты видишь себя в будущем? В чем смысл именно твоего жизненного пути? Какая роль будет отведена в твоей жизни мне? Если у тебя насчет меня есть ожидания, а они есть, выброси их немедленно. Я не пришла сюда оправдать твои или чьи бы то ни было ожидания, я пришла сюда, в основном, стать счастливой, а уже потом и сделать этот мир и тебя, если повезет, счастливее. А что такое счастье для тебя?

– Любовь? – не ответил, а, скорее, спросил он после недолгих раздумий.

– Мы поговорим об этом позже, а пока...

Он не сразу осознал, что эта девушка, плод болезненных мечтаний, его целует. Это можно было сравнить с остановившемся временем, замершим воздухом, замедлившимся пульсом, понятием точки настоящего момента вне рамок прошлого и будущего. Он испытал вкус Бесконечности, он испытал себя существом, практически Богом, не имеющим возраста, пола, убеждений... не имеющим силы притяжения.

Словно во сне, он почувствовал, что она потрепала его по пушистым волосам, вошла в свой вагон и, практически,

через пару минут поезд отчалил от перрона. А он долго стоял и пробовал оставшийся на губах ее вкус, а в голове смаковал ее имя, которое она шепнула ему на прощанье: «Янина»

3

Как только он пришел в себя, буря чувств ворвалась в его смятенный разум. Злость, удивление, обида, страх, – все гаммы эмоций с негативным окрасом, прикрывающие всего на всего... боль. И это болело его ущемленное самолюбие. Его бросили, ним пренебрегли, даже не дав возможности показать, какой же он на самом деле. Она еще его не узнала, а уже начала выдвигать требования и беспокоится о том, готов ли он дать ей что-то. Неужели она такая меркантильная? А обиднее всего было то, что эта странная девушка, кажется, делала что хотела, наплевав на других, говорила то, что думала, не переживая обидят ли ее слова кого-то. В общем, когда Ваня выполз из вокзала, он уже почти ненавидел эту особу со странным именем Янина.

И да, он ругал себя за то, что поплелся за ней на этот вокзал, потому что должен сейчас явиться на работу, опоздав больше чем на час и смотреть в глаза начальству, может быть даже и писать объяснительную... Она даже не представляла, что ради нее он рискнул своей работой. Куда ей знать о том, что он, как дурак, искал ее все это время. Сейчас он себя чувствовал полнейшим влюбленным кретином, да он себя таким и выставил перед ней. Ничего удивительного, в том, что она сбежала! Ему, к сожалению, никогда не везло с девушками. И все они бросали его первыми, потому что у него

на это духу не хватало. Но так, как сегодня, ему обидно еще не было.

Ваня присел на лавочку и задумался, рассматривая ближний куст. В нем копошились воробьи и в лучах выглянувшего солнца образовывали интересный узор. Парень моментально погрузился в мир узоров, картинок, фантазий, даже незаметно для себя. Он унесся куда-то далеко отсюда, ним завладело его вдохновение, и будь у него сейчас карандаш и лист бумаги, фантазии нашли бы свой выход в материальном мире. Пребывать в своем воображении было удивительно приятно, но кому нужны его фантазии, если он вынужден создавать жалкое подобие искусства, всеми силами сдерживая силу вдохновения, держа ее на тяжелой цепи?

И тут его осенило, словно током прошибло. Он всю жизнь вынужден будет только и делать, что укрощать свое вдохновение, и оно никогда не познает волю! Из-за своей трусости, желая жить в комфорте сейчас и завтра, и еще из-за неверия в собственные силы, недоверия своему вдохновению, недоверия самому себе. Янина была права! Он думал, что видит свой конечный путь, но он видит его плохо, а своими действиями лишь отдаляет сам себя от этого видения. И если пять лет назад он четко видел себя творцом украшений, одежды, даже интерьера, художником, то сейчас он уже в этом не уверен. Кажется, он постепенно смирялся с ролью человека, который будет где-то на задворках жизни играть в ювелира, но не быть им по-настоящему никогда, потому

что... Ответ он знал, но одним словом не объяснить, тем более самому себе. Будет длинный, скучный, оправдательный монолог и придется обвинить в своей трусости, возможно, всех, кроме себя.

И что он, с таким течением дел, готов предложить своей второй половинке? Тем более, Янине? Как он может обещать ей шикарное будущее, даже сам в него не веря?! И во что со временем должна превратиться его и ее жизнь в тех условиях, когда он имеет талант, но не имеет смелости его отстаивать, прикрываясь чем угодно. Да, Янина – девушка, привыкшая поступать так, как ей вздумается. Это роскошь, которую он пока себе позволить не может. А позволит ли он ей эту роскошь? Разум уверяет, что «Да», но душа протестует и знает, что «Нет».

Ваня вошел в свой кабинет, сел за стол и написал заявление об уходе, затем направился к секретарше с этой бумагой так, словно он всю жизнь только этим и занимался. Она, при его появлении тут же начала что-то говорить о его сегодняшнем опоздании, о том, что у них новый заказ, и он может получить хорошие деньги, но Ваня даже не дослушал. Положил бумагу ей на стол, попросил передать начальнику на подпись и пообещал завтра зайти за своими вещами. Даже не дождавшись ее реакции, он развернулся и ушел. Больше его в этот день на работе никто не видел.

Выйдя к остановке, Иван набрал телефон своего двоюродного брата – Макса и попросил о встрече на сегодня.

Договорились на семь вечером в кафе около Ваниного дома. И, с чувством выполненного долга, Иван направился домой. Сперва, он долго сидел за столом, изучая свои рисунки и наброски, но затем почувствовал непреодолимое желание спать. Собственно, вполне логично, что, коснувшись головой подушки, он уснул крепким и спокойным сном. Проснулся лишь от телефонного звонка брата, уже ожидающего его в кафе неподалеку.

– Уже бегу.– коротко ответил Ваня и соскочил с кровати.

Пригладив наспех руками взлохмаченные светло-русые волосы, он ринулся в ванну, умылся, выскочил в коридор, обулся и ушел, хлопнув дверью... Вернулся, нашел ключи от квартиры, телефон и опять исчез за дверью.

Брат Ивана, – Максим, был на три года его старше, и внешних сходств между ними не было никаких, кроме ямочки на правой щеке, появляющейся только при улыбке – семейная отличительная черта, доставшаяся им от их матерей. Максим был слегка выше Вани, с более спортивной фигурой, у него были темные волосы, стриженные коротко на затылке и длинной косой челкой, прикрывающей левую бровь, тогда как у Вани светлые волосы лежали волнами на шее и висках. Максим имел серые, живые, с прищуром глаза, а цвет глаз Вани напоминал голубое небо, к тому же темные ресницы делали взгляд Вани глубоким. Лицо Максима сразу приковывало к себе взгляд живой мимикой, смеющимся взглядом и привлекательностью, у Вани же, кроме необычных, глаз ли-

цо имело довольно простые и классические черты, немного более милovidные, чем следовало бы мужчине -четкие губы и темные аккуратные брови. Да и стиль у Максима был особый, свой – он знал толк в красивых и брендовых вещах, умел со вкусом одеваться, чего не сказать о Ване – одевал то, что удобно, не уделял времени на свою внешность, порой выглядел даже неряшливо. И это нельзя было списать на творческую неряшливость.

Максим уже сидел за столиком с чашкой кофе, что было странным, ведь обычно он предпочитал пиво. Он смотрел на экран своего телефона, коротая время и не упуская возможности заниматься работой. Макс продвигал интернет-магазины, и у него неплохо это получалось, судя по приобретенному месяц назад джипу элитной марки. Торговля была в жилах Максима, сколько Ваня его помнил, он мог продать что угодно еще с детства. И однажды даже получил в нос от лучшего друга за то, что Макс продал подаренный ним блокнот из самой Италии! Не то чтобы Максим был бесчувственным торгашом, любящим лишь свои деньги, просто никогда не понимал, дословно: «Как можно не заработать там, где можно заработать?»

Ваня поприветствовал своего брата рукопожатием, которое у Макса всегда было чересчур крепким. Так он обычно подшучивал над младшим кузеном.

– Боже, что с тобой случилось? – спросил, усмехнувшись, Макс и окинул худошавую фигуру брата

– А что такое? – насторожился Ваня, замерев над стулом, собираясь сесть.

– У тебя застегнуты все пуговицы, ширинка, завязаны шнурки! Жаль только, что рубашка помята...

– Да ну тебя, – отмахнулся Ваня и плюхнулся на свое место

– Нет, правда, делаешь успехи! Помнишь, на дне рождении мамы ты приперся в свитере задом-наперед, да еще и с неоторванной биркой с магазина? – засмеялся Макс

– Хватит напоминать мне об этом случае.– вздохнул Ваня, понимая, что Макс не уймется так сразу со своими шуточками.

– Как сейчас помню – сто гривен на ценнике, – не обращал он внимания на просьбу кузена и дальше давился со смеху, – Наш Ваня сегодня недорого! Всего сто гривен...

– Макс! – умоляющим тоном обратился Ваня, – У меня нет настроения вспоминать это! Я не для посмеяться тебя звал! Кстати, почему ты пьешь кофе?

– За рулем.– сразу посерьезнел Макс

– Странно, раньше тебя это не останавливало, – парировал Ваня, покосившись на подоспевшую официантку с меню.

– Раньше у меня джипа не было.

– Тогда понятно, – пожал плечами Ваня и тоже заказал кофе

– Ну и, – продолжил беседу Максим, как только официантка удалась, – чем вызвано твое желание меня видеть?

Раньше я тебя на цепи приводил в это кафе, словно рыцарь принцессу из башни, пардон, твоей квартиры на седьмом, вызволял.

– Мне нужно с тобой поговорить.– вставил Ваня, предупреждая дальнейшие шуточки, пока Макс снова занялся своим кофе, – я бросил работу.

4

Максим замер с чашкой и впился живым взглядом в кузена, не обратив внимания, что кофе от появившейся дрожи в руке капнуло ему на дорогой кремовый свитер. Он поставил чашку, попытался вытереть салфеткой капли кофе на пострадавшем свитере, обвинительно смотря на собеседника. В это время Ваня уже получил свой кофе и принялся за него, чтобы смочить горло.

– Это шутка? – спросил Макс, придя в себя

– Я говорю серьезно. Сегодня подал заявление об уходе, завтра заберу вещи.

– Тебе предложили что-то лучшее?

– Нет. Я ушел в никуда.

На эти слова кузен даже не сразу нашелся с ответом. Недолго Максим молчал, совсем недолго.

– Мать всегда боялась, что ты свихнешься, и вот оно случилось... – ошарашенно проговорил Макс, – Ты ведь с таким трудом попал на эту должность! Я помню, как отец уговаривал какого-то давнего знакомого замолвить за тебя словечко, когда два года назад ты бросил учебу. Тебя, такого зеленого и без опыта работы взяли, и ты неплохо там зацепился! Там такие перспективы!

– Не кричи, – спокойно попросил Иван, даже не стараясь оправдываться

– Да как не кричи! – еще сильнее распаялся Макс, – Если ты устал, то взял бы отдых! Куда ты теперь пойдешь? Подумай, что скажет мать! Да ее удар хватит! Единственный племянник, живое напоминание о сестре разрушает свою жизнь!

– Макс, угомонись.– спокойный и уверенный голос Вани даже сбил с толку его брата.– Я тысячу раз продумывал в уме все то, что ты сейчас озвучил, это ничего не меняет. Я не вернусь на работу... на эту работу.

– В таком случае, смею надеяться, что у тебя есть какой-то план, иначе я отказываюсь верить в твою вменяемость.– заявил Макс.

– Я собираюсь делать то, что мне по душе и получать за это деньги. Я хочу рисовать и создавать именно то, что говорит мне мое сердце, а не дядя-начальник и заказчики, которые не знают сами чего хотят, и имеют размытое представление о красоте. Я не только собираюсь творить, стать самому себе хозяином, но и стать признанным ювелирным дизайнером. Красота может быть не такой, какой ее представляют и мне нужно создать для этого мира то, чего раньше еще не было. Когда-то ты сказал, что я гений своего дела, но ужасный маркетолог и мне не продать свое произведение даже за половину стоимости того, что оно стоит. Ты прав. Но я знаком только с одним человеком, который это сделает без лишних проблем – это ты. Помнишь, когда-то в двенадцать лет я рисовал свои первые наброски, а ты предлагал их продавать?

Я тогда недоумевал и даже оскорблялся за то, что ты хочешь торговать искусством, что кто-то будет давать за мои работы цену и, получается, что я узнаю, сколько стоит мой талант. Я боялся, наверно, что не стою много. Дураком был. И все гордые, но нищие гении тоже дураки. Я озвучил свою позицию. Я – творю, а ты помогаешь мне, хотя бы на первых порах продавать эти творения. Озвучь цену и завтра приступаем.

– Завтра?

– Можем сегодня.

Макс глядел на Ивана во все глаза, словно впервые увидел. Его поразило не столько само предложение, сколько тон и внутренняя решимость брата. Обычно тот что-то мямлил, сбивался, ему сложно было донести свою мысль до людей, даже родных людей. Он никогда не говорил о своих планах и желаниях напрямую, словно стеснялся вам себя. А тут такое...

– Ты пьян? – спросил Максим, замерев от внезапной догадки.

– Нет. Давай обсудим, что в моем предложении тебя смущает, потому что у тебя испуганный вид.– предложил Иван, поднося к губам чашку с кофе

– Зря я не заказал спиртного... – пробормотал недовольно Макс.

– И все же?

– Меня смущаешь ты.– признался Макс.– Но давай начнем с того, что для твоего проекта нужны деньги, ты ведь

не просто картины писать хочешь, для которых, кстати, тоже материал нужен, а ювелирные работы требуют колоссальных затрат. Металл, камни, инструмент, разные аппараты, я уже не говорю о спец помещении. Надеюсь, ты не у себя в квартире мастерскую развернешь? И последнее – кто паять твои идеи будет? Насколько я помню, самостоятельно с лупой в глазу просиживать сутки ты не стремился.

– Сперва отвечу на первый вопрос по поводу начальных затрат, – сказал Ваня, ополовинив чашку с кофе. – Насколько ты знаешь, у меня имеется такой капитал.

– Ты не можешь вбухать родительское наследство в дело, а потом остаться ни с...

– Я не останусь ни с чем, – перебил его Ваня. – Просто поверь мне. На начальном этапе мне, конечно, понадобятся колоссальные затраты, но я готов пока работать с серебром, полудрагоценными камнями и минералами... в основном.

– В основном? Ты хоть знаешь, что аппаратура и качественный инструмент стоит целого состояния?

Ваня промолчал, он кивком подозвал официантку, расплатился с ней за кофе и направился к выходу, и Макс ничего не оставалось кроме как следовать за кузенком.

Он повел брата к себе домой, объяснив лишь: «Пошли ко мне, что-то покажу». В квартире Макс старался не обращать внимания на привычный беспорядок жилища своего родственника: разбросанные листы бумаги, слой пыли на полках, оставленная то там, то тут одежда, продолжать

можно было до бесконечности. Сам, будучи любителем чистоты, он никак не мог свыкнуться с тем, что не все люди чистоплотны. К сожалению, это касается в основном людей творческого склада ума. Какая, должно быть, в голове у человека каша, что он доходит до такого.

Иван купил себе эту однокомнатку после того, как потерял своих родных, очевидно из-за того, что не мог жить в месте, которое напоминало ему о них. Он продал родительский дом, продал все, что было в доме, и отдал личные вещи своей бывшей семье родственникам, в основном матери Макса. Деньги от проданного дома и еще кое-какой капитал пока лежал десятками тысяч долларов в ожидании подходящего момента. Похоже, он настал, этот момент.

В комнате Иван вывалил на стол кучу эскизов и готовых работ, а так же поставил перед Максом коробочку, в которой поблескивали какие-то готовые украшения.

– Вань, ты же знаешь, я в оценке не силен, – начал было брат устало объяснять

– Только взгляни.– твердо попросил Ваня

Максим еще раз внимательно посмотрел на Ваню, словно примеряя на того какой-то диагноз, а затем взялся за оценку его изделий. Правду сказать, Ванины работы его двоюродный брат не видел больше года, но даже такой неосведомленный человек как Макс увидел явный прогресс. Рассмотрение изображений на листах бумаги ввело его даже в своеобразный мир, который словно всегда был рядом, хоть и не за-

метен глазу. Даже черно-белые наброски карандашом впечатляли. Все, что увидел Максим, вызывало эмоцию. Каждую из Ваниных работ хотелось проживать. Когда же дошло дело до самих украшений, которые, очевидно, сам Ваня и делал, Максим долго их рассматривал, переходя от одной работе к другой. Здесь было три браслетика, два кулона, одна пара сережек и пять перстней, два из которых были мужскими. Причем, очень дорогими здесь были только золотые серьги с дополнением из аметистов и одно кольцо, скорее всего, украшенное бриллиантом. Ваня прав, что шедевр можно сделать не только из благородных камней и металлов, но и из более простых материалов. Кулон в виде лежащей на спине женщины, тянувшей рукой к звезде из янтаря, вообще поверг Максима в восторг.

– Ты совершил ужасную глупость, – вынес он вердикт. – тем, что потратил столько времени на сомнения и работу на конвейере.

– Почему же? – удивился Ваня, – Мне это было на пользу, я многому научился там. Теперь я спрошу тебя снова. Ты согласен помочь мне? Если хочешь, мы обсудим детали.

– Детали мы, конечно, обсудим... но только не раньше, чем через две недели, когда я сам пойму, с чем, собственно, связался и стоит ли оно наших сил, твоих денег и твоих... надежд. А это я пока возьму себе, – сказал Макс, забрал коробочку с драгоценными украшениями, похлопал на прощание брата по плечу и удалился, бросив напоследок. – До свя-

зи.

Когда в прихожей хлопнула закрывшаяся дверь, Ваня глубоко вздохнул, убрал все свои рисунки на полку, закатил рукава своей несвежей рубашки, взлохматил у лба волосы, взял чистый лист, карандаш и начал воссоздавать образ той, которая помогла ему сегодня приоткрыть одну из тайн жизни. И тайна эта заключается в том, что Мастер не имеет право быть трусом, тем более, когда у него в жизни появляется любимая женщина.

Ваня позволил себе творить, ни о чем не думая, в течение недели, не отрываясь практически ни на что, кроме еды. Именно в этот период он начал работать над медальоном-ларцом с ее ликом. У него уже была заготовка, и он всегда знал, что из этой заготовки выйдет замечательное украшение, даже не вполне украшение – тайник. Эту тайну он будет носить на груди, как напоминание о том, что он не выдумал ее и Янина существует на самом деле.

И тут его уединение прервал Макс, ворвавшись к нему в дом. Недовольно, но молча оценив усилившийся в квартире беспорядок, он подошел к брату и сказал:

– Поехали, я нашел для тебя помещение.

– Уже? – Ваня недоуменно смотрел на Максима, потирая уставшие, воспаленные глаза.

– Через две недели ты должен выдать три заказа. Два браслета, и женщину со звездой.

– А... разве у тебя не...

– Те я уже продал. Ты же не думаешь, что снять помещение мне бы удалось без денег?

Ваня не был готов к скорому успеху, ему казалось, что придется пройти испытания, прежде чем дело сдвинется с места, но он был невыразимо рад, что ошибся. Тем не менее, кузен был человеком дела и не был готов рассматри-

вать расплывающуюся от удовольствия физиономию Вани, а взялся за то, что умел лучше всего – организацию.

Максим почти силой подвел Ивана к шкафу, вытянул классические синие джинсы с рубашкой оливкового цвета, критически их рассмотрел, затем махнул рукой и попросил быстрее одеться и пошел ждать его в машине. Как только Ваня сел в машину, его кузен заявил, без тени смущения:

– Я найму тебе в дом уборщицу, там невозможно жить.

– Я не ждал гостей.– объяснил Ваня

– Гости, – ухмыльнулся тот, включая зажигание, – Речь идет о тебе и о твоём комфорте. Уборщица не будет тебе много стоить, но зато ты почувствуешь себя человеком.

– Макс, за две недели я могу не успеть выполнить эти заказы.

– Идешь на попятную? – скосил бровь в ответ Максим, выруливая со двора.

– Ни в коем случае, нам просто нужен человек, который будет выполнять эту работу быстрее... я имею в виду механическую работу, не требующую узоров по металлу или навыков художника.

– И где мы найдем этого человека?

– У меня есть одна идея, давай сперва заедем в одно место, а потом в то помещение, о котором ты говорил.– попросил Иван

– Ну давай. – согласился Макс и перешел к своему любимому занятию – шуточкам и анекдотам, дабы скоротать путь.

Он явно пока не желал выкладывать на-чистоту как продвигается реклама и что это за появившиеся клиенты. Ваня благодарно не стал про это спрашивать, в своем брате он был больше уверен, чем в себе.

А вот человек, к которому они направлялись, вызвал больше вопросов. К сожалению, Ваня его практически не знал и имел немало опасений по поводу своего выбора. Единственное, что его подбадривало, так это шестое чувство, которое шептало Ване, что выбор это верный.

Богдана Иван увидел впервые на работе, год назад. Этот рослый, сильный, невероятно спокойный человек был весьма и весьма странной личностью. Работал он за троих и сбор всяких штукоев, возня с мелкими деталями – это, по-видимому, было его страстью, он готов был просиживать за работой больше часов, чем кто бы то ни был на предприятии. Одно смущало работодателей: Богдан имел психологическую проблему – аутизм, хоть и не в значительной степени. С первого взгляда не заметно, но этот диагноз проявлялся в нежелании смотреть собеседнику в глаза, некая чужаковатость с наивностью, как то, казалось бы, беспричинная радость по поводу дождя за окном или детская унылость в моменты, когда что-то у него не выходило. Он проработал два месяца и его уволили по причине самой, что ни на есть серьезной – Богдан пытался протащить незаконченную цепочку домой... чтобы заняться этим в выходные, ведь в выходные ему, по его словам, «все равно нечего делать». Было бы

смешно, если бы не было так грустно... и обидно за этого большого добряка. И все понимали, даже начальство, что Богдан не вор и не злодей, более того – никому не хотелось терять такого ценного работника, но были опасения, что это могло повториться еще раз, а подставлять свою голову за несчастного никому не хотелось. Богдан попросил прощения и со слезами на глазах ушел. Если честно, плакать тогда хотелось практически всем, у кого в груди не лед, а сердце человеческое.

В тот далекий день Ваня вызвался провести Богдана домой и его легко отпустили с работы. Этому мужчине было около тридцати или чуть больше того, жил он сам. Сестра и мать остались в деревне, а он подался в город искать лучшей жизни и заработков. Подрабатывал часовщиком, чинил зонты и обувь, снимал небольшую квартиру, в деревню слал деньги. Однажды работал в антикварном магазине и от нечего делать чинил золотые украшения, старинные брошки, наладил старые золотые часы, которые были старше самого Богдана в четыре раза. Так он и попал в ювелирный завод. Ваня купил им тогда морожено, они долго болтали в парке, наблюдали за белками, опадающими листьями и, по всей видимости, Богдан записал Ваню в лучшие друзья, которых у него никогда не было. После этого разговора он звонил Ване раз в неделю, затем раз в месяц, а последние два месяца Ваня его не слышал и, честно говоря, забыл о нем вовсе, а вспомнил только сейчас, когда ему самому понадобился

Богдан. И как-то стало гадко на душе...

Иван не слишком надеялся на то, что его знакомый окажется дома, но тот оказался! Даже больше – он был безгранично рад появлению гостей на его пороге. Проведя братьев в свое скромное, но удивительно ухоженное жилище, он тут же усадил их за стол, чтобы угостить чаем с печеньем. Макс беспокойно озирался по сторонам, стремясь найти хоть намек на беспорядок и ничего не обнаружил. Скромная, даже в некотором смысле бедная обстановка сияла такой чистотой, словно сошла с картинки. С очень большим трудом верилось, что здесь вообще живут. Скатерть лежала правильно с точки зрения геометрии на столе, без единого пятнышка грязи, никакой лишней посуды в умывальнике или возле него, шторы на окне выстираны и выглажены. Даже сам хозяин квартиры, несмотря на внушительные габариты и кажущуюся неуклюжесть, был гладко выбрит, одет в свежие, идеально выглаженную одежду – белую футболку и серые брюки. Он был коротко стрижен, носил натертые до блеска очки, закрывающие его спокойные темно-серые глаза.

Богдан подал нагрывшим нежданном гостям чашки с чаем на блюдечках, повернув чашку ручкой в правую сторону, чтобы было удобно пить.

– Видишь? – шепнул Макс Ване, когда Богдан умчался за блюдом под печенье.– Вот как надо, неряха!

Иван проигнорировал слова брата, он сейчас думал о том, как выстроить разговор, чтобы Богдан лучше его понял. Но,

получилось, что он зря волновался и как раз сейчас Богдан находился в поисках работы, поэтому предложение поработать на Ваню воспринял с энтузиазмом. Ваня объяснил все – условия работы, обязанности Богдана, оплату и сделал это даже не один, а два раза, потому что сомневался в том, понял ли его хорошо Богдан.

– Да, ты говорил, я уже слышал, я и с первого раза все понял.– отвечал тот.

Чем дольше длился разговор, тем недоуменнее становилось лицо у Макса, который не понимал, что здесь происходит. То, что парень явно не в себе не сразу дошло до Ваниного кузена, однако, когда он в этом убедился, то все очарование этой замечательной квартирой и чистоплотностью ее хозяина исчезло. Максим всерьез стал опасаться за Ванин проект. В момент, когда они ушли, договорившись встретиться с Богданом через два дня по определенному адресу, Макс еле сдерживал свою живую мимику не выказать эмоций тому, у кого они сейчас побывали.

– Что это за тип? – без обиняков поинтересовался Макс у Вани, когда они вышли из подъезда.– Почему ты мне не сказал, что он с отклонениями?

– Ты имеешь что-то против Боди? – удивился Иван, подходя к джипу брата

– Я не имею что-то против него или людей подобного толка. Но только тогда, когда они не имеют ничего общего с моими проектами. Как на него можно положиться? Он ведь как

ребенок!

– Это ты верно подметил, – кивнул Иван, когда они оказались уже в салоне. – И как ребенок он будет выполнять работу, которую я ему дам, с азартом, как если бы это была увлекательная игра. И есть еще один огромный плюс – эта игра никогда ему не наскучит. Он работал два месяца на заводе, и я имел возможность убедиться в его мастерстве.

– Работал? – недоверчиво переспросил Максим. – Его уволили или он сам ушел?

– Уволили. Хотел взять работу на дом, ни у кого не спросив.

– Ого! А с нами такого не случится? Вдруг, ему стукнет в голову взять работу на дом?

– Мы берем его под мою ответственность. – объяснил Иван. – Если бы ты видел его в работе, ты бы понял меня.

– А как же моральные принципы? Ты ведь можешь его обмануть, не доплатить...

– Я действительно создаю такое впечатление? – подняв бровь, серьезно спросил Ваня

– Нет, – подумав немного, ответил Макс, – ты создаешь впечатление самого большого чудака, которого я знавал в этой жизни... до сегодняшнего дня, потому что большего чудака, чем Бодя я уже не встречу. Во всяком случае, надеюсь. Иначе у меня у самого может съехать крыша в этом мире чудиков!

– Но-но, ты мне нужен адекватным! – усмехнулся Ваня. –

Лучше заводи машину и поведай чем, все же закончилась та история с твоим другом, который забыл о том, где припарковал свою машину.

Максим нашел идеальное место для тайного офиса – кафе, владелец которого был приятелем Максима, имело небольшой подвальчик и одно из помещений этого подвала пустовало. В том помещении было две комнаты – одна маленькая, другая побольше. Словом, тайное место и для первых начал подходило идеально. В меньшей комнате было небольшое окошко прямо под потолком, вторая комната окон не имела, но там можно устроить неплохое освещение. Похвалив ловкий ум брата, Ваня тут же у выхода в кафе начал звонить в московские фирмы, на которые уже давно рассчитывал, заказывать аппараты, инструменты, стол, станки, материал и заготовки. Не все должно было явиться в течение недели, некоторые материалы, такие как камни нужной формы, пришлось ждать не меньше месяца, но не это сейчас волновало братьев.

Они начинали дело, о ведении которого имели весьма размытое представление и уже вложили большую часть Ваниных денег, доставшихся ему от родителей. Затратам пока конца не видно, а в наличии всего три заказа на почин. И их пока было трое, если считать Богдана. В этой ситуации сложнее и тяжелее всего было Максиму, пусть он этого и не показывал. Ему казалось, что он здесь самый осознанно мыслящий и вся ответственность за провал ляжет на его плечи. Было

тяжело, но когда он видел уверенную и умиротворенную физиономию брата, от чего-то возомнившего себя всемогущим, ему и самому становилось легче... по крайней мере, он был рад, что Ваня начал что-то делать со своей жизнью.

Уж не известно, каким образом, но пока все складывалось, как любил говорить Макс «волшебненько». Заказы постепенно росли, за месяц было продано более двадцати украшений по более, чем приличным деньгам. Богдан оправдал себя в первую же неделю своим ответственным и качественным подходом к делу, и все сомнения Максима испарились моментально. Ваня теперь больше работал в мастерской, чем дома, таким образом, руководя Богданом и довершая работу теми деталями, которые мог делать только художник. Они неплохо сработались, хотя между стерильно чистым помещением, в котором работал Бодя, и творческим беспорядком комнатки Ивана была существенная, режущая глаз разница. Максим не упускал случая пошутить на эту тему, когда входил в их рабочую зону.

Три месяца работы вместе каким-то образом сплотило Максима, Ваню и Богдана и все двигалось на расширение, привлечение большего количества заказов, большей популярности и каждый из них получал именно то, что хотел. Богдан – любимую работу, Максим – успешно развивающийся проект не безразличного ему человека, а Ваня – реализацию своего творческого потенциала и возможность обрести признание. Пока они не знали, что этот период – начало са-

мого счастливого периода в их жизни.

Через три месяца парни начали задаваться вопросом расширения, то есть привлечения новых людей, так как Ваня и Богдан начинали не справляться с объемом работ и Ваня практически полностью перешел за станок рядом с Богданом. Поиски новых людей вел Максим, потому что у него это получалось лучше, чем у любого из них. Конечно, на собеседование по выбору сотрудников Ваня присутствовал, однако дальше собеседования дело пока не шло. И все из-за Вани, потому что никто ему почему-то не нравился. Однозначную причину назвать он не мог, но когда после третьего такого неудачного собеседования Максим и Ваня сидели у него в квартире, обсуждая дела насущные, Макс выражал полное негодование. Доводы Вани о том, что это «не те» люди не поясняли ситуации для его брата. А Ваня не мог объяснить, почему же ему не нравились просмотренные кандидатуры.

– Просто поверь мне, что придут люди, которые будут нам полезны.– успокаивал Иван

– У нас висят заказы, и если так пойдет дальше, все рассыплется или ты будешь довольствоваться малым. Я не думал, что ты все это затеял для того лишь, чтобы поиметь немногим больше, чем имел до этого.

– Нельзя мерить все деньгами. – покачал головой Ваня.– Меня все устраивает, если мне не суждено плавать в большем водоеме, то так тому и быть.

– Тебе суждено плавать в Океане.– Заявил Макс.– Киты не созданы для озер и я в лепешку расшибусь, но впихну тебя в этот океан, клянусь! И я не хочу слышать о том, что какие-то нужные люди придут к нам по велению магических сил. Хороших людей мало и их с руками отрывают более шустрые ювелирные дома, чем мы. Да, нам очень повезло с Бодей, и раз другого такого Боди нет, значит, нам нужно довольствоваться тем, что есть и спуститься с небес на землю.

– Я все равно верю, что нужный человек нас найдет. – стоял на своем Ваня

– Нам нужен не один человек.– напомнил Макс, – Нам нужно как минимум двое, а то и трое, смотря на то, в каком темпе готовы работать эти люди.

– Для троих наша мастерская маловата.– Напомнил ему кузен и, чувствуя очередной приступ со стороны Макса, сказал. – Сегодня я устал, почти полночь, а завтра в семь я уже хочу быть на рабочем месте. Нужно кое-что изобразить, не брал карандаш в руки почти две недели.

– Вот видишь! – подхватил снова брошенную тему Макс, вставая со своего места.– Тебе даже некогда творить! Подумай об этом, когда в следующий раз будешь мечтать о том, что нужные люди материализуются из воздуха и постучат в нашу дверь...

И, вдруг, в этот именно момент, кто-то действительно позвонил в дверь. На дворе была почти полночь, а если учесть,

что наступил январь, так вообще время позднее для визитов. Тем более, Ваня никого не ждал. Переглядываясь, словно два истукана, братья не издали ни звука и не двинулись с места. Поэтому через минуту услышали настойчивый стук в дверь. Опомнившийся первым Ваня, пошел узнавать, что за гость явился к нему на порог.

За дверью оказалась девушка, среднего роста и комплекции, на вид ей было лет двадцать шесть, недлинные волосы, крашенные в светло-фиолетовый цвет, выбивались из-под шапки и достигали плеч, а лисьи зоркие глазки, прозрачного практически зеленого цвета смотрели смело, но приветливо.

– Привет! – улыбнулась она. – Это вы владелец ювелирной компании «Иван-Царевич»?

Ваня остолбенел, услышав столь странное название, и хотел было сказать, что она ошиблась, но тут от нее услышал такое, от чего забыл, что хотел сказать и затаил дыхание:

– Меня прислала Янина, она говорит, что вы ищете человека на работу. Если это так, то позвольте представиться – меня зовут Диана, и я занимаюсь именно изготовлением украшений. Могу показать диплом. – под конец этой тирады улыбнулась она

Ваня беспомощно посмотрел на подошедшего Макса, который тоже услышал последнюю фразу, и затянулось молчание. Не то чудо, что в полночь к Ване в дом заявила девушка, которая готова работать ювелиром, а то чудо, что прислала ее именно Янина. Ваня постепенно привыкал к чертовщине, связанной с девушкой его грез, но сегодняшней случай ввел его в некий ступор. По всей видимости, Максим был удивлен не меньше, хоть он не знал ничего о Янине, ему

было достаточно того, что какая-то девушка действительно пришла и постучала в Ванину дверь, предлагая свои услуги.

– Ну, так можно войти? – с легкой настороженностью спросила Диана. – Или я ошиблась адресом?

– Нет, вы попали куда надо, – моментально оттаял Ваня, пришел в себя и пропустил гостью в дом. – Это действительно ювелирная компания «Иван-Царевич»! Меня зовут Ваня, а это – мой компаньон и брат Максим. Не хотите ли чаю?

– О, конечно! Я немного замерзла, пока добиралась к вам.

Ваня принял у нее одежду, повесил в шкаф и пропустил ее учтиво и с улыбкой в кухню. А Максим впервые в жизни ощутил себя недотепой, так как придумать адекватное объяснение происходящему он не мог. Девушка производила впечатление настоящей неформалки – эти фиолетовые волосы, красные лосины, длинное коричневое вязанное с разрезами по бокам платье, весьма великоватое для ее фигуры и отвратительного вида черный грубый перстень на указательном пальце левой руки, что само по себе наталкивало на мысль, что творить изящные украшения она едва ли сможет. Максим стоял в двери и критично, весьма критично осматривал гостью, пока Ваня взял на себя его роль и задавал самые, что ни на есть конкретные вопросы: опыт работы, прошлое место занятости, зарплату, которую ей платили раньше. Он даже просил показать все имеющиеся у нее документы и с видом умника это все изучал, хотя Максим точно знал, что в таких мелочах Ваня разбирался не лучше, чем

сам Максим в создании шедевров.

– Если все нормально, то когда можно приступать к работе? – сразу к делу перешла Диана

– Понимаете, – начал Ваня. – мне очень приятно, что ради нас вы проделали такой путь, но взять женщину в наш мужской коллектив не входило в наши планы. С другой стороны вы – знакомая Янины и если она вас рекомендовала, смею предположить, что не зря. Давайте сделаем так – я возьму вас на испытательный, конечно же, оплачиваемый, срок на неделю и если вы нам подойдете, то, конечно же, будет здорово иметь еще одного ценного работника в нашей компании.

Девушка задумалась, оценивающе посмотрев на Ваню. Его всегда смущали подобные откровенные взгляды симпатичных женщин, а Диана была симпатичной и уверенной в себе молодой женщиной. В поисках поддержки он нашел застрявшего почему-то в дверях Максима, но у того было такое выражение лица, что в других обстоятельствах Ваня бы посмеялся с него. Собрав усилием воли в кучу свой растекающийся рассеянный мозг, он снова перешел к беседе с Дианой. Но она опять завела пристрастный разговор, от которого Ваня потерял всякий самоконтроль.

– Янина говорила, что вам нужны два человека и у меня имеется парень, умеющий справляться с такими делами не хуже меня. Он прибудет послезавтра. Вам он, конечно, точно подойдет, потому что он и мужик, в смысле не баба, и делает работу старательно и молча. Я молчать не очень-то

люблю.

– Янина говорила?? – переспросил Ваня, пропустив ее последнюю фразу мимо ушей.

– Ну да, – как само собой разумеющееся ответила Диана и, поняв, что чаю ей от этих типов не дожидаться, сама подошла к плите и поставила чайник на огонь. Затем по-хозяйски начала заглядывать в шкафчики в поисках чашки.

– Ну и барде-е-ель. – оценила девушка. – Янина была права, что ты гений. Гениальный беспорядок! А вот картина на холодильнике очень даже ничего, милая птичка.

На холодильнике висело изображение, нарисованное простым карандашом красивой птицы, с длинным хвостом, которая, распустив крылья, грозно смотрела в глаза. Не сова, не орлица и не Жар-птица, что-то среднее и очень необычное. Ваня сам пока не знал, что это будет – брошь или кулон.

– Янина что-то говорила обо мне? – осторожно, словно боясь спугнуть видение, спросил Иван, уже не стесняясь присутствия брата.

– А то!словно о принце каком-то! Но, по моему мнению, никакой ты не Иван-Царевич, а пока еще Иванушка-Дурачок, извини, конечно. Согласись, что ты сам пока не знаешь, что за птицу поймал за хвост? – спросила она, смотря в упор прямо в глаза Вани.

Он очень спокойно вынес этот взгляд. Его такие обычно глубокие глаза стали смеющимися, и синева неба заиграла новыми красками и обдала Диану скрытой силой.

– Извини, – вынесла она вердикт.– Вначале не признала. Потенциал-таки у тебя есть. Даже теперь не знаю, кому больше повезло тебе или ей.

Гостья налила чай. И уселась за стол, со все возрастающим интересом поглядывая на Ваню.

– А вы живете в этом городе? – вдруг, пришел в себя, наконец-то Максим, подходя к столу и садясь на стул напротив девушки.

– О! – изумилась Диана.– Он говорит?! Я думала, ты немой. Да, красавчик, мне есть где перекантоваться, если тебя это смущает. Поживу пока у тетки, пока не заработаю денег, чтобы снять свое жилье. Давай, я допью свой чай, и ты меня к ней подбросишь, а? Деньги на такси я тратить не хочу, а общественный транспорт в такое время уже не ходит.

– Макс, отвезешь девушку? – спросил Ваня у Макса.– Тебе все равно домой ехать.

На это предложение, Макс ответил что-то нечленораздельное, кивнув и одновременно покачав головой, но это скорее, означало согласие, чем отказ, хоть и весьма вынужденное согласие.

Диана усмехнулась и дальше пила свой чай молча, поглядывая своими лисьими глазками то на Ваню, то на его брата. Нереальность происходящего не умещалась у Вани в голове, и он благоразумно предпочел пока об этом не думать, есть дела и поважнее. Например, уговорить Макса принять девушку на работу, так как она ему, по всей видимости, при-

шласть не по душе, напротив же Ваня был полностью уверен в этой особе, и не потому что Янина ее прислала. Он просто почувствовал это и то, что ее одобрила Янина, добавляло уверенности в этих предчувствиях.

– Ну, я быстро в ванную и можем ехать, – сказала Диана, вскочив с места, вымыв чашку и поставив ее на место. Вернее туда, где она ее отрыла ранее.

Когда она удалилась, Макс шепотом, со всей гаммой чувств на лице завопил:

– Ты рехнулся?! Что здесь происходит??

– Ничего, мы просто берем на работу эту девушку.– тоже шепотом объяснил Ваня.

– Только через мой труп! Я ей не доверяю, да у нее на физиономии написано, что она аферистка, как можно быть таким наивным? – эмоционально размахивая руками, шипел Макс

– Если ты помнишь, я беру ее на испытательный срок, чтобы ТЫ убедился чего она стоит, потому что мне и так понятно, что она – наш человек.

– Да с чего ты это взял?? Ты ничего о ней не знаешь!

– Да, но у нас будет возможность узнать ее получше. Насколько я помню, Бодя тебе тоже не сразу понравился, а сейчас ты от него в восторге.– напомнил ему Иван

– Это не одно и то же! Богдан и мухи не обидит, а насчет этой... Дианы у меня очень большие сомнения.

– Дай ей возможность их развеять и ради меня запасись

терпением, хотя бы на неделю. Я обещаю, что если хоть что-то пойдет не так с ее стороны, то мы от нее откажемся и возьмем кого-то из тех без эмоциональных китайских болванчиков, которых ты мне предлагал ранее.

Эти слова возымели свое действие, и Максим вроде бы успокоился, скосив пристальный взгляд на своего брата, но тут очень неожиданно спросил:

– А кто такая Янина?

Ваня не сразу нашелся с ответом, он тщетно пытался что-то придумать, но его покрасневшие щеки и явное смущение выказали его с поличным.

– Это... девушка, которую я... с которой я познакомился... ну, в общем, ты ее не знаешь.

– Я уже в курсе, но только еще не в курсе почему?! Ты скрываешь от меня что-то? Это девушка очень важна для тебя, судя по твоей реакции! Почему ты о ней никогда мне не рассказывал? Ты что, не доверяешь мне? – в голосе и во взгляде Максима появились нотки обиды, от чего Ване стало еще более неловко.

– Я тебе доверяю даже больше, чем себе! Но, просто рассказывать пока еще особо нечего. Я сам, правда, ничего не знаю.– пожал плечами Ваня

– Что именно ты не знаешь? – стал допытываться Макс.– Любишь ли ты эту девушку, или любит ли она тебя?

– Слушай, все так сложно, я действительно не хочу про это говорить.– насупился Ваня от настойчивости брата.

Максима, очевидно, этот ответ никак не устраивал, судя по его решительному выражению лица, но, во спасение Ивана, появилась Диана, и этот разговор пришлось закончить... или отложить до завтра, судя по желанию Максима докопаться до истины. Истины, о которой и сам Ваня имел весьма размытое представление.

Следующая неделя прошла в каком-то сумбурном потоке, который выносил дело Вани и Макса на более крепкий уровень. Первое знаковое событие – утверждение названия фирмы и, соответственно, появление такого бренда, как «Иван-Царевич». Никто особо не сопротивлялся и не задавал вопросы, ведь работы Вани действительно имели, в некоторой степени, намек на сказку и сказку не дешевую. Что касается Дианы, то Макс не изменил своей внутренней неприязни к ней, но ему пришлось признать – она хорошо работает и ей даже можно поручить такие тонкие художественные моменты, какие раньше мог делать только Ваня. И это был еще один плюс в ее сторону, что убедило логику Максима пока потерпеть незваную гостью. Логика – это то, чем он всегда руководствовался в делах, здесь чувствам места не было, и только руководствуясь логикой и холодным расчетом, он мог воплощать успешные проекты. Единственное, что вызывало неприятный холодок у него теперь, так это то, что его растяпа-брат, руководствуясь только лишь чувствами, принимал весьма верные решения и опыт последних трех месяцев наглядно это показал.

В ту же неделю в их коллектив влился еще один участник – упомянутый вскользь ранее самой Дианой парень, вернее мужчина, имеющий возраст около сорока или даже бо-

лее того. Звали его Юсуф, был он мусульманином, очень молчаливым, соблюдающим все традиции своего вероисповедания. Весьма колоритный тип, что уже, в принципе, глядя на остальных ожидаемо и понятно, и Макс смирился, что единственным адекватным человеком в этом сборище остается пока он сам.

Юсуф обладал поразительной, даже магической способностью моментально понимать чего от него хотят. И если Богдану приходилось все втолковывать самым, что ни на есть, доходчивым языком, то стоило Ване начать разговор с Юсуфом, он молча кивал, не дождавшись конца просьбы или поручения, и тут же принимался за работу. Его молчание, порой, обескураживало, он мог игнорировать вопросы, считающие недостойными своего внимания, что вначале настораживало Максима и Ваню, но потом они смирились, ведь его молчание не было таким уж и страшным проявлением... по сравнению с теми редкими моментами, когда Юсуф позволял что-то говорить. А говорил он редко, но метко, уделяя внимание именно той упущенной детали, которая, в последствие таки, оказывалась очень важной. Это – что касаясь работы, но были моменты, когда Юсуф говорил, глядя прямо и глубокомысленно своими темно-карими глазами что-то, касающееся непосредственно человека, с которым он общался.

Такие слова получил и Ваня при первой встрече с этим на вид щуплым и неказистым, но с удивительно сильным

внутренним стержнем человеком. «Ты – великий Воин и великий Мастер, но без нее ты никогда бы об этом не узнал». Только Ване был понятен смысл этих слов, и он даже не понял, что в этих словах было такого, что всколыхнуло все его чувства.

Он как мог справлялся с собой, погружаясь в свою работу, как мог тушил воспаленный разум и тоскующую душу, в воспоминаниях и мыслях о Янине. Он понимал, что чем сильнее будет мечтать о новой встрече с ней, тем позднее эта встреча состоится. Таков закон природы, усвоенный ним еще в детстве. Украдкой, словно в тайне сам от себя он по ночам завершал работу над ее образом в медальоне, не вполне надеясь, что схожесть с ней ему удалось передать. Иногда он побаивался того, что эта чудесная муза, смотрящая с украшения прямо на него, не имеет ничего общего с оригиналом, и он обманулся в своем видении Янины.

Об этой девушке у него с Максом так и не вышло толком беседы, пока однажды Макс не вошел к брату в кабинет и не застал Ваню спящим, на столе с набросками, сжимающим в руках конец цепочки с медальоном. Раньше кузен не обращал внимания на появившуюся на шее Ивана цепочку, которая всегда скрывалась под рубашкой, но сейчас он воочию увидел и эту цепочку, и этот загадочный медальон. Конечно, он не мог упустить такой возможности, чтобы взглянуть, что там скрывается внутри. Максим редко страдал излишней неуверенностью, поэтому без разреше-

ния интересоваться жизнью брата не считал большим грехом, оправдывая себя заботой о нем. Девушка была на редкость молода и красива, но ее черты лица говорили о не простой натуре их обладательницы. Иван никогда не прорисовывал, тем более на готовом изделии так подробно внешность человека. В основном это были слегка размытые силуэты, важна была их поза и положение тел. Макс даже спрашивать ничего не надо было, он знал кто эта девушка, даже если Ваня начнет это отрицать.

И когда, вдруг, тот очнулся ото сна, непонимающими глазами смотря по сторонам, а затем на брата, Макс задал свой вопрос:

– Это и есть Янина?

Ваня протянул руку, молча требуя свой медальон обратно и ничего не ответил. Когда Максим его вернул, то он просто повесил себе его на шею и спрятал на груди под рубашкой.

– И как долго ты ее знаешь?

– Недолго, – ответил Ваня. – она просто моя случайная знакомая.

– И когда вы с ней встречались в прошлый раз?

– Не помню, месяца четыре назад, а что за допрос, Макс?

– Поверить не могу, что именно она с подвигла тебя бросить работу и начать свое дело. – ошалело пробормотал Максим, выражая что угодно, только не радость за брата.

– И в чем ты видишь беду? – удивился Иван, подходя к умывальнику, чтобы немного взбодриться после короткого

сна.— По-моему, все складывается очень даже ничего, и через год мы спокойно вернем наши вложения.

— Меня волнует вопрос, который ты сам себе никогда не задашь: что будет после того, как либо ты ее разлюбишь, либо она разобьет твое сердце?

Ваня неприкрыто расхохотался, обескуражив брата полностью.

— Я думал, романтик у нас — это я, а не ты.

— Я практик.— объяснил Макс.

— За это время, что ты работаешь со мной тебе следовало бы смириться с тем, что разум бессилен перед другой силой и с этой силой ты сталкиваешься всегда, когда смотришь в мои глаза.— сказал Ваня тем странным своим спокойным и властным тоном, он которого у Максима шли мурашки по спине. Настолько он осознавал, что совершенно не знает человека, стоящего перед ним.

— И знаешь, от чего твоя паника? — продолжил Ваня. — От того, что ты не имел в жизни опыта любви, да и никто тебя по-настоящему не любил, если мы говорим о любви между мужчиной и женщиной.

Макс в замешательстве смотрел, как Ваня сложил на столе свои работы, карандаши, спрятал в шкатулку неоконченные украшения, убрал с пола и выбросил в мусор смятые листы бумаги и когда хотел подойти к окну, чтобы открыть шторы, наступил на собственный развязавшийся шнурок и растянулся на полу. Это было так комично, что вовсе стерло

серьезность слов Ивана, а Макс, как всегда, не упустил возможности хорошенько посмеяться. Он подошел к Ване, присел около него и, взлохматив его пушистые вьющиеся волосы, произнес:

– Ты, все-таки, неисправимый растяпа.

Ваня усмехнулся своей мальчишеской улыбкой, и на его правой щеке появилась точно такая же, как у Максима сейчас ямочка. Помогая кузену встать, Макс объявил, что завтра у них встреча с нарисовавшимся спонсором, поэтому они сейчас едут по магазинам, чтоб привести в порядок внешний вид их гения. Дабы предстать перед толстосумами во всей красе, Ивану действительно пора было подумать о внешнем виде и стиле.

8

Кажется, ничто так не раздражало Ваню, как обязанность ходить по магазинам и эта нелюбовь тянулась с тех самых лет, когда он с мамой под руку искал очередную одежду для нового школьного года на всякие там праздники, как то Новый Год или чью-то свадьбу. Это было одной из самых тяжелых обязанностей, которых Иван знал в своей жизни. Маму огорчало то, что ее сын не рад обновкам, всегда устраивал непонятные концерты с имитацией боли в животе или голове, лишь бы увильнуть с мероприятия под названием шопинг. Она не имела дочерей, которых можно было наряжать подобно куклам, поэтому нерастраченный потенциал распространяла на сыновей, ведь и Ваня и младший его брат были потрясающе красивыми детьми, привлекающими внимание. И как упустить такую возможность и не сделать их еще привлекательнее? Конечно, в последствии, Ванин брат, исполняющий роль модели намного лучше, был незаменимым маминым спутником по магазинам, а Ваню со временем оставили в покое и позволили ему ходить в «чем попало».

Ну, сейчас он не был ребенком, поэтому более ясно видел важность своего внешнего вида, по крайней мере, для встреч с богатыми потенциальными клиентами и, безусловно, спонсорами. Да и Макс, хоть и знал толк в стиле, неплохо одевался сам и любил качественную и красивую одежду,

не считал нужным проводить больше времени за покупками, чем час. Они зашли в тот магазин, где Максим чаще всего одевался, сразу набрал, на первый взгляд, без разбора ворох одежды и отправил Ивана в примерочную. Чудо, но выбор был безошибочным и практически вся одежда сидела на Ване как влитая, что заметно поменяло образ простачка-недопеты. Перед Максом стоял практически другой человек, знающий себе цену и имеющий определенный социальный статус. Одежда, какая-то одежда, а красота Вани проявилась более ярко, словно... Нет, он действительно был Иваном-Царевичем, умело играющим роль Иванушки-Дурачка. И Макс еще раз себя похвалил, поскольку Ваня не вполне был согласен с тем, что его отражение – это он. Конечно, после того, как они уже оплатили одежду, Максим не забыл поснимать все бирки и ценники с одежды на всякий случай...

Оставалась еще обувь, аксессуары и прическа. Ваня вроде бы и не против стричься, но тут Максим решил, что длинные до плеч волосы они оставляют, как отличительную черту, выдающую человека творческого, да и темно-синий клетчатый шарф, повязанный на горле дополняют образ художника-мастера. Впоследствии ношение шарфов понравилось Ване, и он приобрел их себе побольше.

Что касается самих переговоров с потенциальными спонсорами, то все прошло более чем хорошо, к облегчению Макса, и Ваня был практически собран, если не считать моментов, когда он ронял ручку... два раза. Более того, Иван

задавал вопросы по делу и отвечал на встречные довольно конкретно, словно имел опыт подобного ведения дел. Договор заключили и был он о том, что Ваня получает определенную сумму на развитие бизнеса, которую должен вернуть по истечению трех лет, конечно, в последствие, спонсор имел право на процент от прибыли фирмы «Иван-Царевич» столько, сколько фирма будет существовать. Это не было рисковым делом, потому что спонсоры не имеют права вмешиваться в дела фирмы, а только получают пассивный доход от деятельности Ваниного дела, не важно, каким бы прибыльным оно не стало в будущем. Этот договор говорил о многом, а главное о том, что спонсоры видят очень хороший потенциал в этой, пока еще небольшой, ювелирной мастерской.

Деньги должны были поступить через месяц, поэтому Максим пока вплотную занялся поиском нового офиса, где развернется деятельность молодой ювелирной компании. Он очень переживал, что Богдан, Диана и Юсуф испытывают неудобства на своем рабочем месте. С этой целью они пока отправили Ваню творить к себе домой, а его кабинет занял Юсуф. Его пока и оставили за главного, тем более он неплохо справлялся со своей задачей.

Богдан и Диана вместе неплохо сработались. Как оказалось, Диана испытывала симпатию к Богдану, всячески его опекая. В дальнейшем ее такие знаки внимания вылились в то, что Бодя, по началу скрывающийся от посторонних

в себе, со временем стал доверять Диане больше, чем кому-либо еще, и они частенько ходили на прогулки, в кино и парки вместе. Сперва Макс посмеивался над этой парочкой, что, мол, вот нашел Богдан себе пару быстрее их всех. Он тогда не знал, как близок был к истине в этих своих шутках...

Это был интересный месяц, принесший много знаковых событий. Одно из них не стало таким уж и приятным для Вани. Будучи человеком творческим и впечатлительным, ему всегда снились яркие, интересные сны, которые давали, порой, пищу для Ваниного творчества. Однако появился в его жизни такой сон, который можно скорее было назвать видением, настолько реалистично все выглядело, и еще в течение часа после пробуждения Иван приходил в себя, не веря, что это был всего лишь сон.

Ваня шел через осеннее поле, через полусырую пахоту. Небо было отвратительного серого цвета, готовое вот-вот разразиться холодным дождем, ветер выл прямо в ухо. Было холодно. До такой степени, что отчаянно хотелось согреться. Над полем кружила стая воронов, внушительная по величине стая. Они пели отвратительный гимн приближающемуся холоду, зиме, казалось, самой смерти. Ваня старался скорее перейти поле и уйти с этого гиблого места, но взгляд его приковал самый большой и самый старый ворон, он пролетел очень низко над головой Вани и подался в лес, находящийся в конце поля. Ваня не хотел идти за ним, но пошел, словно

против своей воли. В лесу было ничуть не лучше, чем на поле, еще мрачнее, мертвые деревья без листьев стояли на его пути. Он шел дальше туда, где слышен был призывный мерзкий крик ворона. Ему было неизвестно, сколько еще нужно идти, но шел, чувствуя душой важность того, что ждет его в конце пути. Наконец, перед Иваном появилась полянка, на которой он увидел сложенные по кругу сухие почерневшие листья деревьев, а в его центре сидела спиной к нему девушка с очень странным не по сезону венком из зеленых весенних листьев березы и яблони. Она была в одной длинной до щиколоток женской рубашке белого цвета, дрожала от холода, но напевала очень тихо высоким девичьим голосом мелодию. Прежде, чем он успел что-то в этом всем понять, где-то над его головой мерзко каркнул ворон. И тут Ваня испытал непонятный примитивный страх перед этой девушкой, он не хотел, чтобы она его увидела, он панически боялся встретиться с ней взглядом. Он чувствовал исходящую от нее необычайную исполинскую силу, пока еще он не знал окрас этой силы, но знал точно, что та сила сметет его с лица земли в одно мгновение, она и не на такое способна. Вдруг, он увидел в своей руке, неизвестно откуда взявшийся факел с огнем. Не думая долго, Ваня поджег листья, чтоб отвлечь ее огнем от себя, в надежде убежать.

– Спасибо, – вдруг, прошептала она, все еще не оборачиваясь. – мне так теплее!

И как только он развернулся, чтобы убежать, сам в то же

мгновение оказался внутри этого круга горящих старых листьев. Пламя было невероятной высоты, и Ваня не мог вырваться, а той девушки и след простыл, он краем глаза увидел ее пятывшуюся за деревьями фигуру и вдалеке ее испуганное лицо, от того, что она заметила страшного ворона в небе. Ване самому стало страшно и горько и стыдно от того, что он смалодушничал, но так и не увидел ее лица. Вопреки всему пламя не уменьшалось, а наоборот – становилось все выше, и тут прямо на Ваню спикировал тот самый старый ворон и начал рвать одежду и тело его в клочья. Биться с птицей не было возможным, она неожиданно оказалась намного сильнее и, истекая кровью, из последних сил, он закричал неизвестной незнакомке, уже не надеясь, что она услышит:

– Помоги мне!

И в этот момент Ваня просыпался. В ушах долго, очень долго стоял вороний мерзкий крик, а сердце разрывалось от страха и предчувствия беды. Не вполне придя в себя, он еще несколько раз шептал, словно мантру: «Помоги мне, помоги мне, помоги...»

Когда этот сон приснился Ване во второй, а затем третий раз, что-то внутри него надломилось, он испытал неясную тревогу, которой не мог найти объяснение. Прямо среди ночи, под февральскую выюгу за окном, он сел за свой стол, заваленный бумагами. Немного подумав, без жалости сгрел свои работы на пол одним движением руки, и белые листы бумаги разлетелись по комнате словно стая испуган-

ных вспорхнувших голубей по, и без того, неухоженной комнате. Он взял карандаш, привычным движением наточил его, вынул очередной свежий лист и склонился в полутьме над ним, поеживаясь от холода.

Ваня старался нарисовать, предъявить взору то, что так его пугало во сне – Черного Ворона, его мертвый, пронзительный взгляд, его взъерошенные перед нападением крылья и чуть приоткрытый, стершийся от времени клюв. Он не знал, для чего ему это надо, но в детстве ему говорили, что если рассказать плохой сон, он уже больше никогда не приснится. Ване некому было рассказать свой сон, он знал, что его никто не поймет, но нарисовать он его может. В молодом мужчине боролось два чувства: забыть, не вспоминать ночной кошмар и дожидаться утра, ведь утром все страхи отступают; но так же его практически непреодолимо тянуло нарисовать ворона-мучителя из сна, не вполне осознавая смысл этого. Ночь склонила Ваню к последнему варианту и рисунок начал появляться на бумаге легко и практически без усилий. Тогда он не знал, что за страшная сила вела его к созданию картины Черного Ворона, а у силы этой было название – Судьба. И это не та Судьба, о которой мечтают Мастера, но это тот Путь, который обязаны пройти Воины.

Иван заснул, как это с ним уже случалось, положив голову на скрещенные на столе руки, прямо на созданном этой ночью новым персонажем – Вороном. Он и не заметил, что наступило утро, осветило комнату, сделало ее просто ком-

натой, в которой проживал простой недотепа-художник. Это уже было не таинственным местом, где прошлой ночью сидел с воспаленными глазами художник-маг и создал НЕЧТО. С наступлением дня это нечто не исчезло, оно лежало на столе и смотрело на спящего Ваню, своего создателя зловещим, почти потусторонним взглядом, даже не птицы, а человека, от которого нельзя ждать ничего хорошего.

В дверь раздался настойчивый звонок и Ваня, пробужденный ото сна, резко поднял голову и непонимающими глазами уставился в окно. Волосы спутались на лбу, прикрывая глаза, он их убрал и взглянул на рисунок, лежащий у него перед глазами. Испугавшись, Ваня отпрянул на спинку стула, с изумлением рассматривая свою работу, до конца не веря в то, что это он сам создал сие творение. Никогда прежде он не создавал таких работ, в основном его работы вызывали умиление, радость, всю гамму светлых эмоций. Этот ворон был совершенством другого толка – порождение тьмы... либо больным Ваниным воображением. Раздался снова звонок, затем еще и еще. Кто бы это мог быть, Иван понятия не имел, ведь сегодня воскресенье, но не исключал, что это Максим. Схватив рисунок со стола, Ваня спрятал его в ящик стола и закрыл. Топчась по разбросанным на полу бумагам, он ринулся в прихожую и открыл дверь. Перед ним стояла Янина...

Сначала Ваня подумал, что все еще продолжает спать, и она ему только видится. Девушка стояла в пуховике, накинув на голову капюшон, отороченный коричневым мехом, и ее глаза красиво сочетались с ним по цвету. Она смотрела на Ваню весьма странно, и взгляд ее был не таким, каким хоть и не долго, но видел и знал Ваня раньше. Гостья была напряжена, но это напряжение длилось всего мгновение, потом она заметно смягчила черты лица и, неожиданно шагнув навстречу, обняла оторопевшего парня. И это лучшее, что случилось с ним за последние четыре долгих месяца.

Это было самое замечательное чувство – держать в объятиях любимую девушку, которая явилась так внезапно.

– Прости, я немного опоздала.– сказала она. – Не ожидала, что так случится.

– Как? – поинтересовался Иван

Но она промолчала и так же молча прошла в дом. Ваня прикрыл дверь и проследовал за девушкой. Сперва она сняла верхнюю одежду, обувь и, повесив сумку на крючок, зашла во святая святых художника – захламленную жилую комнату, исполняющую так же и роль мастерской. Не спеша она стала бережно, очень бережно поднимать разбросанные листы с пола и, с улыбкой откровенно любовалась каждым наброском, каждому рисунку Ивана уделяла должное внима-

ние, а на ее лице проявлялась вся гамма чувств – от восторга и изумления до нежности и любви. Затем Янина складывала их в стопочку на столе.

Ваня, как замороженный, смотрел на ее плавные движения, на свободно лежащие на спине густые, слегка вьющиеся каштановые волосы, на ее крепкую и легкую фигуру, облаченную в синее приталенное платье. Ему хотелось смотреть, и смотреть, не моргая, дабы, не дай Бог, не сморгнуть ее как видение.

Янина легко навела порядок на полу и когда перешла к столу, коснулась рукой ручки ящика, где скрывался Ванин ночной кошмар. Она задумалась на мгновение, а Ваня затаил дыхание, в предвкушении чего-то, что невозможно объяснить, ему вдруг стало стыдно за то, что он создал этой ночью. Но девушка не решилась открывать, она посмотрела на хозяина этого жилища и улыбнулась именно той улыбкой, которую он видел тогда, почти три года назад. В этой улыбке была жизнь и радость от бытия в этом моменте, словно не было для нее сейчас ничего важнее, чем быть счастливой, чем быть здесь, в этом доме рядом с ним, и это ощущение счастья немного приласкало Ваню. Он вспомнил, что является художником и поблагодарил судьбу за то, что в его жизни есть эта девушка, его муза.

– Ты немного изменился.– сказала она, – Даже не думала, что это произойдет так скоро. Это было моей ошибкой – недооценивать тебя.

– Почему ты пришла именно сейчас? – спросил Ваня

– Ты меня позвал. – ответила Янина

Он медленно стал к ней приближаться, а когда поравнялся, сказал:

– Я ждал тебя все это время, но ты не приходила.

– Ты нуждаешься во мне сейчас, и вот я здесь. Я побуду рядом столько, сколько потребуется времени.

– Ты нужна мне всегда.

– Ты хочешь видеть меня всегда, а нуждаться во мне и хотеть меня видеть рядом – это две разные вещи. Давай обсудим это потом. Я устала, мне нужен чай с лимоном, ванна и два часа сна, если, ты не против.

– Я не против, сейчас организуем.– кивнул Ваня, но почему-то не сдвинулся с места, на минуту просто стоял и смотрел на нее, а потом сказал: – Я скучал.

Янина протянула руку к его шее и извлекла, потянув за цепочку, медальон. Она, поглядывая на Ваню, раскрыла украшение и, радостно улыбнувшись, оценила свое изображение:

– Я получилась красивее, чем в жизни, но мне очень приятно. Ты – талантливый художник.– ее глаза светились от счастья, разглядывая медальон.

– Я хотел подарить его тебе, когда ты появишься.– поведал он

– Нет, – отказалась Янина, – это – твое украшение. Для меня ты сделаешь кое-что другое.

– Что именно? Только скажи.– заинтересовался Иван

– Ты сам поймешь.– задумчиво пробормотала она

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.